

этнографического материала с медико-биологическим для определения того конкретного влияния, которое оказывает специфика традиционной культуры и быта, особенности этнической психологии и другие этнографические параметры на здоровье и саму жизнь людей.

М. А. Итина

ОХРАННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ХОРЕЗМЕ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В минувшем пятилетии и в первые годы нынешнего Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция продолжала исследования в Южном Приаралье, а также во Внутренних Кызылкумах, на древних староречьях Зеравшана. Основными направлениями этих исследований по-прежнему были проблемы этногенеза, этнической истории, традиционной культуры и общественного строя древнего земледельческого населения и его полукочевой и кочевой периферии в северной равнинной части Средней Азии; вопросы древнейшего заселения и освоения человеком дельтовых равнин Амударьи, Сырдарьи, Зеравшана, а также территории Внутренних Кызылкумов и их бессточных впадин; проблемы возникновения и развития ирригационного земледелия в низовьях Амударьи и Сырдарьи. Хронологические рамки этих исследований чрезвычайно широки — от VI тысячелетия до н. э. до эпохи средневековья. Последнее важно не только с точки зрения возможности рассмотрения исторических процессов на протяжении столь длительного промежутка времени, но и потому, что эти исследования, привязанные к определенному историко-культурному региону, дают возможность уловить преемственность культурных традиций, нити которых нередко протягиваются от глубокой древности до современности. Масштабы работ, проводимых экспедицией, применяемая методика комплексных исследований, техническая оснащенность и научный авторитет способствовали, как и в прежние годы, привлечению ее к выполнению заданий, связанных с практикой народного хозяйства. Это в первую очередь и главным образом охранные археологические работы, государственное значение которых состоит в сохранении для народа, для истории бесценных памятников многотысячелетней культуры народов Средней Азии. Работы в этом направлении экспедиция вела и ведет в контакте с научными учреждениями союзных республик, местными партийными и советскими организациями, комитетами по охране памятников. Основной объем охранных работ в десятой пятилетке и в настоящее время проводился преимущественно в Каракалпакии, на землях древнего орошения Правобережного Хорезма, а также в Туркмении, в Левобережном Хорезме, в связи с огромными работами по освоению этих земель под ирригационное земледелие и пастбищное скотоводство.

Для Хорезмской экспедиции эти работы представляют особый интерес еще и потому, что вновь осваиваемые районы — это земли собственно Хорезма, изучением истории и культуры которого экспедиция занимается более 40 лет. Практический выход охранных работ состоял в консультациях ирригаторов по самым различным вопросам степени освоения под ирригационное земледелие того или иного района в древности, о мощности агроирригационного слоя в зависимости от длительности хозяйственного использования земель на протяжении истории; о возможности использования современными ирригаторами карт древней оросительной сети, составленных экспедицией. Не менее важное практическое значение имеет и непосредственная деятельность экспедиции по охране памятников и ее пропагандистская работа, призывающая к соблюдению на местах соответствующего законодательства. Поездки по

памятникам, попадающим в зону освоения, вместе с органами охраны и представителями местной научной общественности, составление актов и передача их в местные партийные и советские организации, а также в вышестоящие партийные органы Узбекистана и Комитет по охране памятников республики дали свои результаты, о которых мы скажем ниже. Что же касается научных результатов охранных работ, то значение их трудно переоценить.

Прежде всего экспедицией сделан значительный шаг вперед в изучении древнейших этапов заселения человеком северных равнинных районов Средней Азии. Если до сих пор мы оперировали преимущественно материалами сборов, правда с многочисленных, но разбросанных стоянок эпохи неолита и бронзы, то теперь фактологической основой восстанавливаемой нами первобытной истории древнего населения Среднеазиатского Междуречья являются материалы, полученные при раскопках сохранившегося культурного слоя на территории поселений и в жилищах. Это дает возможность судить о системах расселения и о типах жилищ, о типах хозяйства, о характере материальной культуры. Выявленные при раскопках обширные и достаточно четко датированные (в том числе и с помощью анализов на ^{14}C) комплексы позволяют теперь реконструировать значительные миграционные процессы, протекавшие в степях Евразии особенно интенсивно начиная со II тысячелетия до н. э., позволяют изучать вопросы этнической истории древнего населения Средней Азии этого и более позднего времени.

Открытие и исследование стоянки Толстова¹, неолитической стоянки кельтеминарской культуры, — событие, выходящее далеко за рамки собственно хорезмийской археологии. Стоянка находится в 300 м к западу от широко известной специалистам стоянки Джанбас², и не исключено, что обе они представляют собой одно большое поселение рыболовов, охотников и собирателей в южной части древней Южной Акчадарьинской дельты Амударьи. Раскопки стоянки Толстова еще продолжают, но уже сейчас она дает материал для принципиально новых выводов, ценность которых тем более велика, что культурный слой стоянки не потревожен — он погребен под полутораметровой толщей аллювиальных отложений. К настоящему времени вскрыта площадь более чем в 600 м². На ней располагаются три дома. Перед каждым из них обширная хозяйственная зона с большими и глубокими ямами; и ямы и площадь вокруг них насыщены находками. Из трех вскрытых домов один наземный, два других — полуземлянки. Все дома имеют каркасно-столбовую конструкцию (сохранились столбовые ямки по внутреннему периметру стен), они подпрямоугольные в плане, вытянуты по оси северо-восток — юго-запад с входом с юго-западной стороны. В слое пожараща наземного дома удалось обнаружить остатки сгоревшей кровли, покрытой некогда пучками камыша и слоем древесной коры. Слои пожараща дали возможность получить и радиоуглеродные даты, которые укладываются в конец V — первую половину IV тысячелетия до н. э.³ Среди находок на стоянке⁴ характерная кельтеминарская посуда в виде цилиндроконических сосудов, чаш, ладьевидных сосудов, сосудов со сливами, украшенная чаще всего по всему тулову зонально расположенным геометрическим орнаментом, причем поверхность сосудов бывает еще и окрашена или расписана красной охрой. Многочисленны орудия на пластинах из кремня, как правило, обработанные по краям противоположающей ретушью. Среди них вкладыши для ножей, резцы, проколки, ножевидные пластины с выемкой, кель-

¹ Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. — Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (далее ТХЭ), т. XIII. М.: Наука, 1981, с. 79—89.

² Толстов С. П. Древний Хорезм. М.: Изд-во МГУ, 1948, с. 59—66; *его же*. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во восточной литературы, 1962, с. 27—32; Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма. — Матер. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (далее МХЭ), в. 8. М.: Наука, 1968, с. 33—52.

³ Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы, с. 132—133.

⁴ Там же, с. 83—86, рис. 30—34.

теминарские одношипные наконечники стрел. Особого внимания заслуживает уникальная по количеству, сохранности и разнообразию коллекция изделий из кости. Это наконечники стрел, иглы, многочисленные гарпуны, основы для вкладышевых орудий — ножей, резцов. Поражает обилие костей рыбы в культурном слое стоянки, которые принадлежат представителям пресноводной фауны. Это щука, сазан, сом, судак. Встречены, но в меньшем количестве кости млекопитающих, все представленные дикими видами⁵. Даже при том, что раскопки еще далеко не закончены, мы можем по-новому рассматривать и систему расселения, и жилище древних кельтеминарцев. По-видимому, поселок состоял не из одного большого дома, как считалось раньше, а из нескольких домов, причем это были и наземные дома, и полужемлянки, прямоугольные в плане. Примечательно, что план и конструкция жилищ, равно как и сосуществование двух их типов, находят свое продолжение в аналогичных сооружениях эпохи бронзы в Южном Приаралье, доживающих вплоть до начала I тысячелетия до н. э. Наличие долговременных поселков, не исключаяющее, разумеется, существования и временных сезонных стоянок, обилие костей рыбы при относительно небольшом количестве костей животных заставляют рассматривать хозяйство кельтеминарцев как полuosедлое рыболовно-охотничье. Отсутствие среди териофауны домашних видов заставляет думать, что кельтеминарцы в V—IV тысячелетиях до н. э. производящих форм хозяйства еще не знали⁶.

Что же касается позднего этапа кельтеминарской культуры, датируемого III тысячелетием до н. э., то здесь по-прежнему определяющим является подъемный, но очень обильный материал, обнаруженный в основном на коренном берегу Южной Акчадаринской дельты. Он давно выделен во вполне определенный комплекс⁷, но судить по нестратифицированным находкам о типах жилищ, характере хозяйства трудно. Не вполне ясной оставалась и типология керамических форм. Открытие в 1981 г. позднекельтеминарской стоянки Таджи-Казган 17, расположенной на западном коренном берегу Южной Акчадаринской дельты, дает новые факты для понимания заключительного этапа хорезмийского неолита. Хотя стоянка развеейна, можно предположить, что здесь было жилище. На площади 74×50 м в котловине выдувания на склоне песчаной гряды обнаружено большое количество керамики редкой сохранности, орудия из кремня и кварцита, а также скопления очажных камней и следы столбовых ям. Примечательно, что на одном из участков удалось расчистить хозяйственную яму со стоящим в ней *in situ* целым сосудом типа чаши. Это позволяет надеяться, что дальнейшие работы на стоянке могут выявить границы, а может быть, и форму жилища.

Керамика (рис. 1) представлена цилиндроконическими сосудами и чашами, отличительной особенностью большинства которых является украшение их поверхности оттисками «качалки». До открытия стоянки Таджи-Казган 17 мы не знали, какова была форма дна у сосудов этого времени. Сейчас удалось установить, что оно было приостренным или скругленным, плоскодонных форм здесь нет. Среди кремневого инвентаря (рис. 2), набор которого по количеству уступает керамической коллекции, кельтеминарские одношипные наконечники стрел на пластинах, а также двустороннеобработанные наконечники — лавролистные с выемкой в основании и ромбовидные. Последние в сочетании с употреблением при орнаментации оттисков «качалки» подтверждают позднюю дату стоянки. Завершение работ на стоянке и анализ ее материалов, а также анализ на ¹⁴C углей из упомянутой ямы с сосудом позволят, видимо, уточнить абсолютную дату, что важно и для выяснения палеогеографической ситуации в регионе в этот период. Дело в том, что стоянка Таджи-Казган 17 расположена на гряде неподалеку

⁵ Там же, с. 140—143.

⁶ Там же, с. 136—159.

⁷ Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма, с. 139 сл.

от одного из русел Амударьи, в 4 м над уровнем такыра — древней дельтовой равнины. Это заставляет думать, что в период жизни стоянки этот район был сильно обводнен. Связано ли это подтопление с сезонными разливами или массированным прорывом вод Амударьи по Акчадарьинской дельте в Арал, пока неясно. Думается, что скопления позднекельтеминарских стоянок на коренном берегу Южной дельты, и притом на высоких отметках, могут скорее свидетельствовать в пользу последнего, тем более что на внутридельтовом пространстве более ранние стоянки кельтеминарской культуры нам известны (Кават 7, например), а позднекельтеминарских там нет. Если это так, радиоуглеродные даты со стоянки Таджи-Казган 17 позволят уточнить дату этого прорыва, а следовательно, и время, когда основной сток Амударьи шел уже не в Каспий, а в Арал⁸.

Таким образом, благодаря работам последних лет могут быть значительно уточнены не только характеристики собственно кельтеминарской культуры, но и всего неолита северной степной полосы Средней Азии, для которого стоянка Толстова явится своеобразным эталоном. К тому же в результате многолетних работ экспедиции выстраивается и хронологическая колонка для неолита Кызылкумов в целом, где наиболее ранними являются стоянки дарьясайского типа на Зеравшане, в том числе Учаши 131, где сохранилось жилище с характерным набором так называемых рогатых трапезий в кремневом инвентаре. Дарьясайский этап датируется VI тысячелетием до н. э.; джанбасский этап, включающий стоянку Толстова, — V—IV тысячелетием до н. э.; III тысячелетие до н. э. — заключительный этап эпохи неолита в Южном Приаралье⁹.

Говоря об исследованиях неолитических памятников, нельзя не упомянуть об открытом в 1972 г. могильнике Тумек-кичиджик, расположенном в южной части древней Присарыкамышской дельты Амударьи¹⁰. Это первый и пока единственный неолитический могильник в северном Среднеазиатском регионе. В нем вскрыто 27 погребений в узких прямоугольных ямах, причем покойники лежали вытянуто на спине, головой на северо-восток, на подсыпке из красной охры. В погребениях обнаружен скудный археологический материал, однако находка ладьевидного сосуда, украшенного оттисками «качалки», и характер кремневого инвентаря позволяют поставить могильник в круг памятников кельтеминарского типа. Аналогии некоторым предметам погребального инвентаря мы находим, по свидетельству А. В. Виноградова, с одной стороны, в материалах могильника Кайлю в Восточном Прикаспии, с другой — в предельных и переходных к раннеямным комплексах Куйбышевского Заволжья¹¹. Любопытно, что, по предварительным данным, черепа из могильника Тумек-кичиджик относятся к северному варианту протоевропейского типа, который может быть связан с Поволжьем. Если суммировать все эти факты, на память приходит гипотеза Н. Я. Мерперта об одном из направлений контактов племен древнеямной культуры с южными древнеземледельческими цивилизациями, которые могли осуществляться где-то восточнее Каспия¹². Археологически в этом регионе фиксируется направление миграций племен срубного типа¹³. Можно предположить, что эта зона контактов была традиционной, и не исключено, что они осуществлялись и в IV тысячелетии до н. э. (время существования памятников самарской культуры

⁸ Подробно об этом см.: Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения человеком (гл. первая). — МХЭ, в. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1960; Итина М. А. История степных племен Южного Приаралья. — ТХЭ. М.: Наука, 1977, с. 25—28.

⁹ Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы, с. 132—133.

¹⁰ Там же, с. 107—116.

¹¹ Там же, с. 116.

¹² Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974, с. 141 сл.

¹³ Мандельштам А. М. Погребения срубного типа в Южной Туркмении. Краткие сообщения Ин-та археологии (далее КСИА), 108, 1966; его же. Новые погребения срубного типа в Южной Туркмении. — КСИА, 112, 1967.

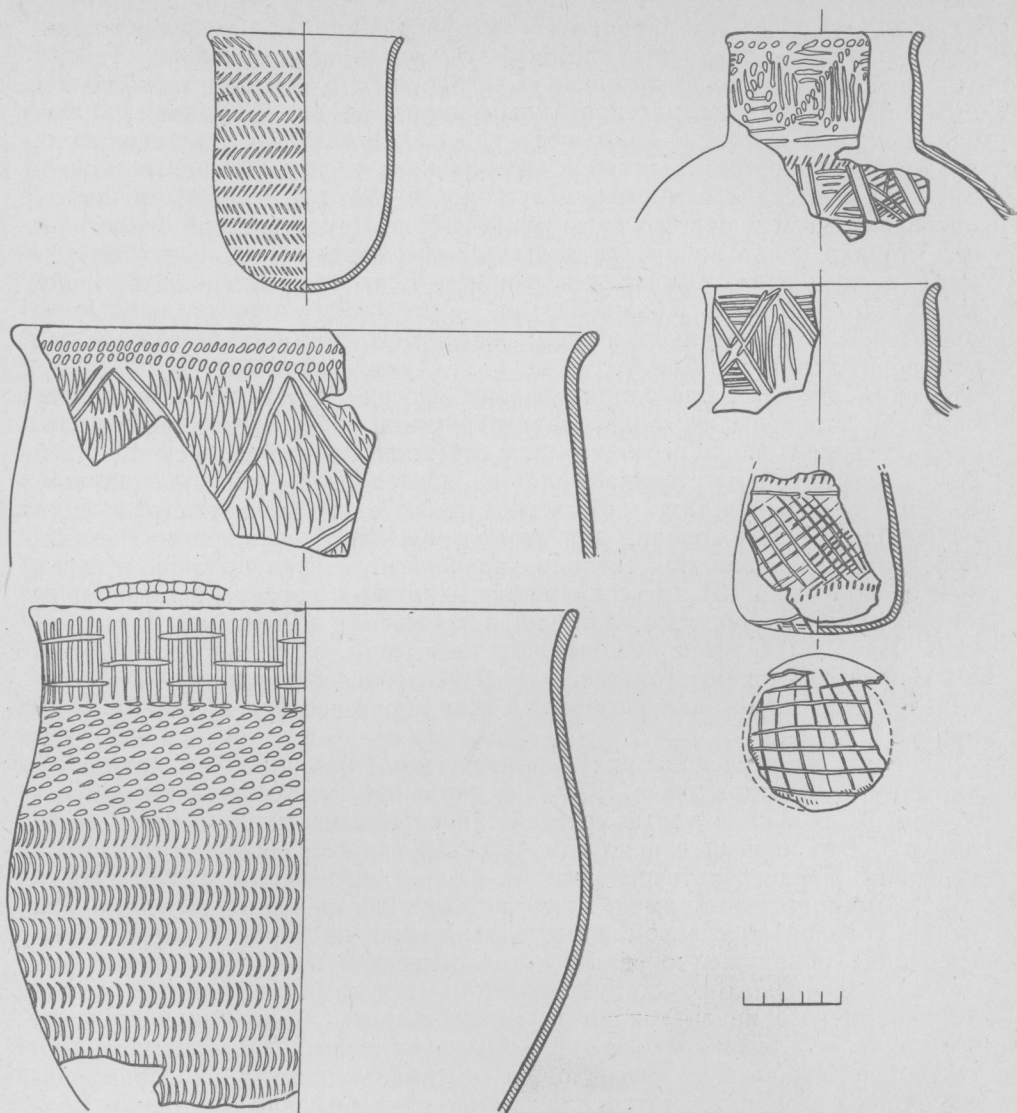

Рис. 1. Стоянка Таджи-Казган 17. Керамика

и предположительная нижняя дата погребений Тумек-кичиджика). Скудость материалов могильника Тумек-кичиджик не позволяет, однако, судить, может ли речь идти о погребениях аборигенов, связанных с кельтеминарским этнокультурным кругом, или мы имеем дело с пришлым населением, воспринявшим элементы культуры аборигенов.

Первая половина II тысячелетия до н. э. — «темный век» в истории Южного Приаралья. Приходится признать, что работы экспедиции по сей день этот пробел не заполнили. Первые признаки дальнейшего освоения человеком Южной дельты Акчадарьи относятся уже к эпохе развитой бронзы, к середине II тысячелетия до н. э.

Здесь был осуществлен цикл работ, очень важный для понимания истории древнего населения степей Евразии. Восточная часть дельты — естественный «заповедник» поселений эпохи бронзы (вторая половина II тысячелетия до н. э.), базировавшихся на водах мелких протоков системы Среднего и Восточного больших русел Акчадарьи¹⁴. Стратиграфически эти поселения расположены на мощном слое аллювиальных отложений, образовавшихся в значительной мере в результате сильного подтопления Акчадарьи после прорыва вод Амударьи в Арал и даль-

¹⁴ Итина М. А. История степных племен, рис. 87.

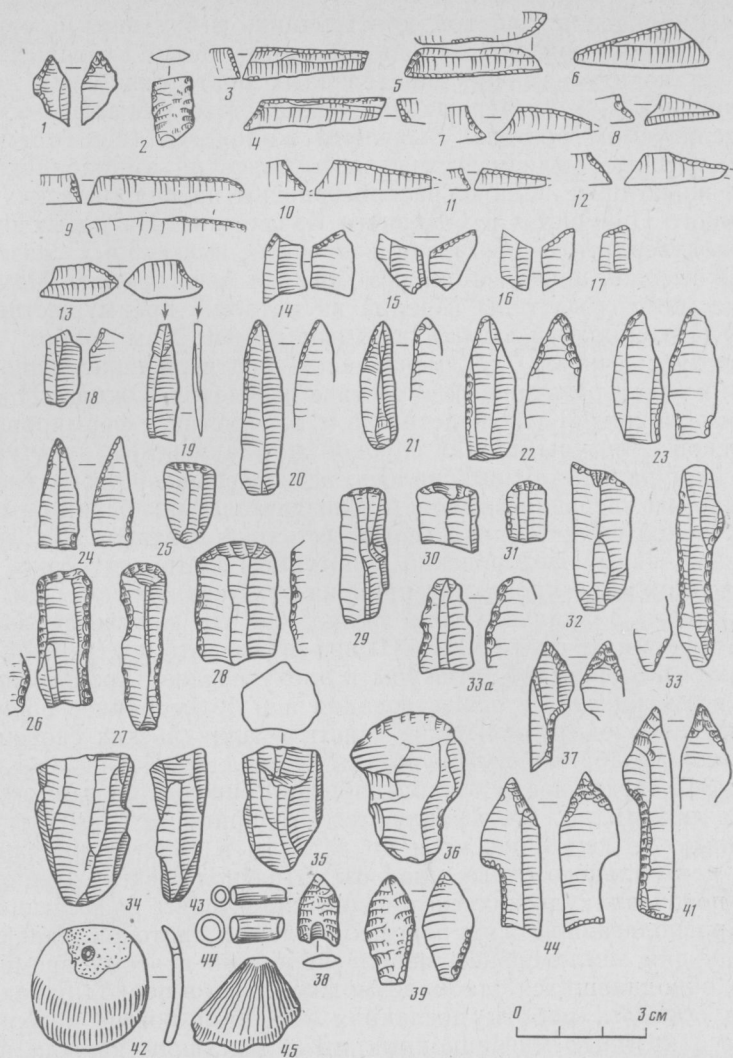

Рис. 2. Стоянка Таджи-Казган 17. Орудия из кремня (1—41), украшения из раковин (42—45)

нейшего обводнения ее в связи с функционированием дельты (именно эти отложения погребли под собою памятники эпохи неолита). Однако идущий процесс дренирования дельты к середине II тысячелетия до н. э., а может быть, и несколько раньше сделал возможным расселение человека на внутридельтовом пространстве и способствовал развитию производящих форм хозяйства на плодородных аллювиальных отложениях дельты и сезонных пастбищах ее коренного берега.

Помимо поселений сохранились и следы синхронной им ирригационной сети и полей. Исследование этих памятников имело большое значение и с охранной точки зрения, так как все они никак в микро-рельефе на местности не выражены, читаются на современной дневной поверхности лишь в виде цветowych пятен, которые могут распознать только специалисты, и при освоении этих мест под орошаемое земледелие им грозит распашка. За прошедшие годы здесь было раскопано 17 стоянок, на которых вскрыто 33 дома. Кроме того, в связи с предстоящей распашкой была доследована площадь могильника Кокча 3, где было вскрыто еще 10 погребений (сверх 70 раскопанных в 1954—1955 гг.). Большая часть исследованных памятников, так же как и могильник, принадлежат тазабагыбской культуре. Вскрытые на поселениях дома — полуземлянки, реже наземные жилища, прямоугольные в

плане, все каркасно-столбовой конструкции, с большим центральным очагом и входом с южной стороны. В то же время в последние годы удалось установить наличие определенных повторяющихся конструктивных признаков, характерных для жилищ того или иного микрорайона в исследуемом регионе. Выявлены жилища с двумя-тремя помещениями, которые были известны здесь ранее на амирабадских поселениях¹⁵, но которые широко распространены на андроновских поселениях Южного Приуралья и Северного Казахстана. На новых примерах удалось подтвердить существование прочных культурных связей с миром более высоких цивилизаций юга Средней Азии времени Намазга VI (керамика, некоторые типы изделий из металла, преимущественно украшения). Но, пожалуй, самым весомым результатом работ данного цикла следует считать документальное подтверждение гипотезы о чрезвычайно пестром этническом составе населения Южного Приаралья во второй половине II тысячелетия до н. э. Участие в формировании тазабагьябской культуры племен срубной и алакульской культур степей Южного Приуралья, как выяснилось, не исчерпывает этого многообразия. Сейчас мы уверенно выделяем в позднетазабагьябских памятниках в юго-восточной части Южной дельты (стоянки Джанбас 35, Джингельды 10 и др.) явный федоровский культурный компонент (рис. 3), связанный, возможно, с проникновением на эту территорию групп населения из Южного Зауралья. Очень важно, что эти комплексы в Хорезме четко датируются не ранее XIII—XII вв. до н. э., что подтверждает тезис о бытовании федоровской культуры в эпоху поздней бронзы, но не исключает возможности ее существования и в более раннее время. Удалось также проследить появление «чистых» алакульских скотоводов на ряде стоянок тазабагьябской культуры (Кокча 15, Кокча 16, Кокча 19, Джанбас 34) тогда, когда тазабагьябцами они были уже оставлены. При этом любопытно, что выявляются эти пришлые элементы культуры не только по керамике, но и по деталям в конструкции жилищ — иной тип центрального очага, иная схема расположения хозяйственных ям. Для позднеалакульских скотоводов характерны наземные жилища (рис. 4), располагавшиеся на берегах русловых протоков, дававших некогда воду для земледельцев-тазабагьябцев, но к этому времени уже, очевидно, обводнявшихся слабо, возможно, лишь в период паводков.

Таким образом, работы последних лет дали новый материал для суждения о крупных миграционных процессах, протекавших в степях Евразии во II тысячелетии до н. э., особенно в его второй половине. Археологическое исследование этих процессов представляет большой интерес и в плане исследования этнической истории населения северных районов Средней Азии в эпоху бронзы и в скифо-сарматское время в свете индоиранской проблемы. Предполагаемая индоиранская принадлежность племен срубной, андроновской и тазабагьябской культур, установленная ираноязычность скифов и, по-видимому, саков — вот та основа, с помощью которой можно объяснить генетические связи культур эпохи бронзы и скифского времени в Великом поясе степей, вот та общая идеологическая основа, которая поможет объяснить и относительное культурное единообразие на этой территории сначала в эпоху бронзы, а потом в скифское время.

Исследование античных памятников в зонах освоения, как в Правобережном, так и в Левобережном Хорезме, охватило две их категории — сельские поселения и городища, датирующиеся в целом VI в. до н. э. — III в. н. э.

На левом берегу продолжались работы на территории древней Присарыкамышской дельты Амударьи, приведшие к принципиально новым открытиям. Это прежде всего относится к наиболее древнему из исследованных экспедицией городищ — городищу Кюзели-гыр (VI—V вв. до н. э.)¹⁶. Раскопки на нем велись давно, но сейчас они имели

¹⁵ Там же, с. 149, рис. 71.

¹⁶ Об этих раскопках см.: Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 96—104; Вишневская О. А. Раскопки городища Кюзели-гыр. — Археологические от-

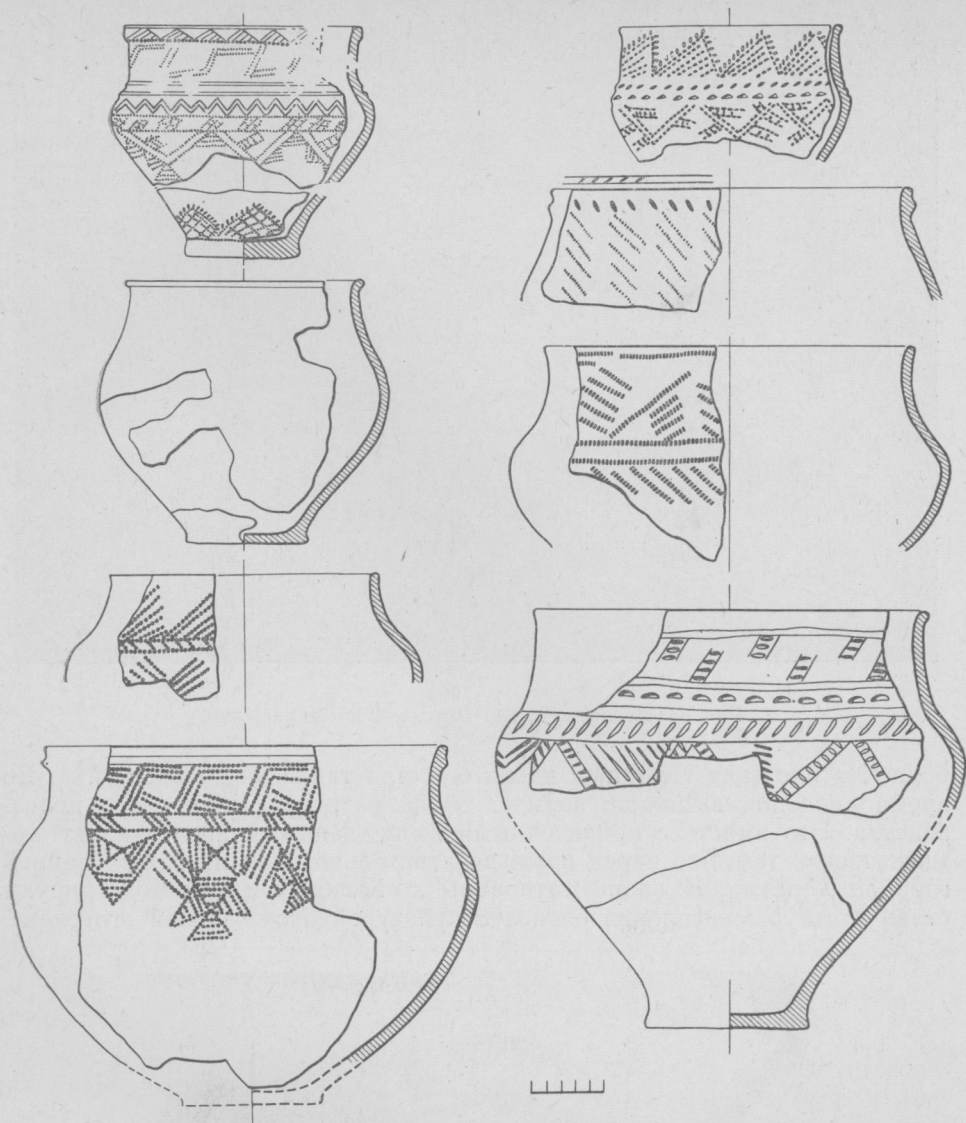

Рис. 3. Поселение Джанбас 35. Керамика

своей целью не только исследование архаического, наиболее раннего этапа в развитии античной культуры Хорезма, но главным образом изучение периода вероятного формирования раннеантичного города эпохи перехода к системе классовых отношений, эпохи зарождения государственности. Наши ожидания оправдались. В результате раскопок Кюзели-гыр предстал перед нами в виде городища площадью 18 га, расположенного на останцовой возвышенности, обнесенного оборонительными стенами со стрелковой галереей и полукруглыми башнями. Оно примыкало к цитадели, расположенной юго-западнее, на более высокой части возвышенности, также укрепленной стенами со стрелковой галереей. Удалось расчистить фортификационный узел, включающий ворота, ведущие на площадь городища и в цитадель. В центре цитадели был вскрыт архитектурный комплекс площадью около 6 тыс. м², насчитывающий более 40 помещений и дворов. Там же были раскопаны две постройки, видимо, культового характера и храмовое здание в северо-западном углу, построенное в поздний период существования го-

крытия (далее АО) 1977 г. М.: Наука, 1978, с. 544—545; *ее же*. Раскопки городища Кюзели-гыр.— АО 1978 г. М.: Наука, 1979, с. 566—567.

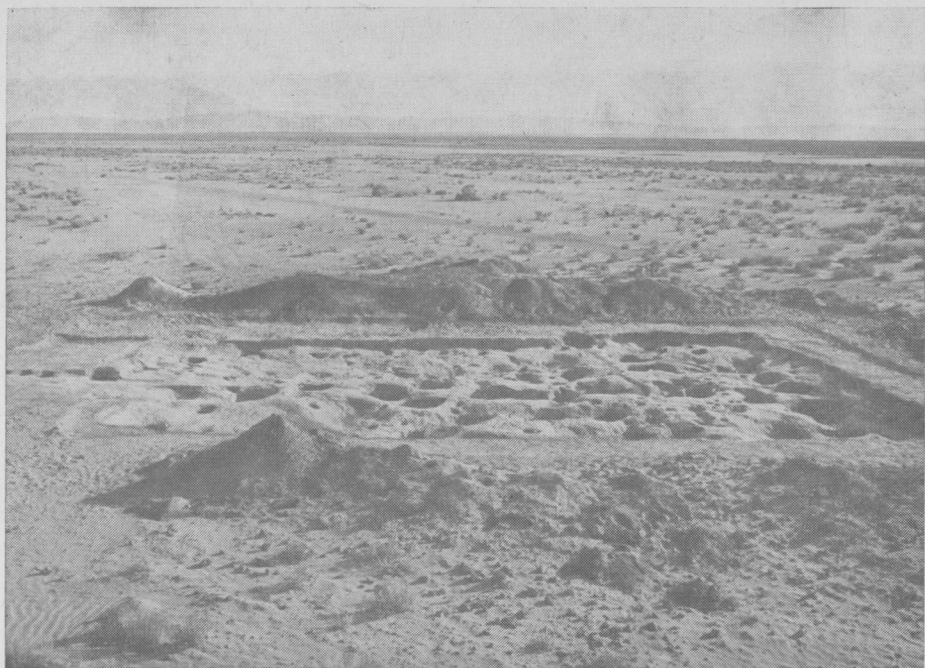

Рис. 4. Поселение Кокча 16. Дом 2 после раскопок

рода. На площади городища вдоль его стен также была застройка. Во время раскопок выявлено наличие здесь развитого гончарного производства. Это вместе с приведенными выше данными не позволяет сомневаться в том, что перед нами действительно один из самых ранних городов Хорезма. И вновь материалы с Кюзели-гыра демонстрируют связь культуры населения оазиса с культурой окружающей его ското-

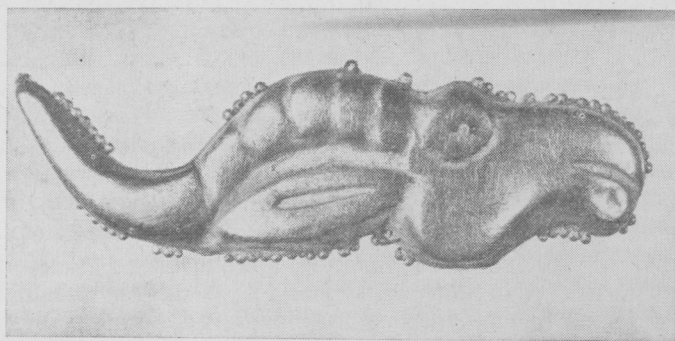

Рис. 5. Городище Кюзели-гыр. Золотая бляшка

водческой периферии: здесь найдена золотая бляшка в виде головы горного козла, выполненная в скифском зверином стиле (рис. 5).

Чрезвычайно интересный цикл исследований развернулся здесь же, на территории Присарыкамышской дельты, но объектом его явились на этот раз не светские и не погребальные памятники, а культовые. Один из них стоял на поселении Гяур 3, второй — на городище Калалы 2 (рис. 6). Оба датируются IV—II вв. до н. э.¹⁷ Планировка их совпадает. Оба здания круглые (диаметр 24 м), стоят на цоколе высотой 2—2,5 м,

¹⁷ Вайнберг Б. И. Поселение Гяур 3.— АО 1980 г. М.: Наука, 1981, с. 464—465; *ее же*. Работы в южной части Присарыкамышской дельты.— АО 1981 г. М.: Наука, 1983, с. 473—475.

Рис. 6. Городище Калалы 2. План: 1 — валы стен; 2 — останцы стен и башен; 3 — раскопанные участки стен

имеют в центре квадратное помещение, окруженное сегментовидными. Башнеобразный полукруглый выступ, примыкающий с севера к каждому из зданий, оказался входом в него. Лучше сохранилось здание на городище Калалы 2. Его стены и стены входного сооружения были прорезаны бойницами. В помещениях обнаружены монументальные вымостки для жертвенников и очаги явно не бытового характера. За стенами здания, с южной стороны, расположен хозяйственный комплекс с врытыми в землю хумами. С внешней стороны городища Калалы 2, у городских ворот, сохранились остатки предвратного культового комплекса с нишами в стене. Среди остатков жертвенных приношений — культовый сосуд типа ритона с прикрепленными по плечикам парами обращенных друг к другу животных (головы утрачены). Особого внимания заслуживают надписи, выполненные арамейским письмом, обнаруженные на фрагментах хумов из культового сооружения поселения Гяур 3 и здесь, на Калалы 2. В последнем случае была сделана уникальная находка — остракон с хорезмийской (?) надписью. В. А. Лившиц, исследовавший и определивший эти надписи предположительно как хорезмийские, продолжает работу над ними, но примечательно, что в надписи на остраконе он прочел слово «рабы»¹⁸, что является уже вторым, после Топраккалинского архива, и более ранним свидетельством существования в Хорезме этой формы зависимости. Открытие надписей на этих памятниках подчеркивает культовое на-

¹⁸ Пользуюсь случаем принести благодарность В. А. Лившицу за любезно взятый им на себя труд по прочтению этих надписей.

значение последних — ведь именно храмы и жречество в древности являлись средоточием образованности. Но есть и другой довод в пользу этого. Вспомним погребально-храмовый комплекс того же времени Кой-Крылган-кала в Правобережном Хорезме, также круглый в плане¹⁹, круглые погребальные сооружения в низовьях Сырдарьи — от мавзолеев эпохи поздней бронзы Северного Тагискена до мавзолеев последних веков до нашей эры²⁰. Обращают на себя внимание в этой связи и круглые в плане сооружения в Южной Бактрии (Северный Афганистан) эпохи поздней бронзы и ахеменидского времени (Дашлы 3 и Кутлуг-Тепе), которые авторы раскопок в свою очередь сравнивали с Кой-Крылган-кала²¹. Все упомянутые здесь сооружения выстроены из сырцового кирпича, внутренняя планировка и назначение их различны (но все-таки это всегда культовый или погребальный комплекс), однако сам факт распространения этого типа зданий на территории древнего Хорезма и окружающей его степной периферии, с одной стороны, и древней Бактрии — с другой, причем на протяжении тысячелетия, сам по себе примечателен. Если при этом иметь в виду, что мавзолеи Северного Тагискена выстроены из сырцового кирпича (а этот строительный материал появляется в Хорезме не раньше VI в. до н. э.) и что их керамический комплекс содержит гончарную посуду и даже сделанную на ножном круге, которая вместе с сырцовым кирпичом, несомненно, свидетельствует о южном компоненте в культуре мавзолеев Северного Тагискена, параллели с культовыми сооружениями эпохи поздней бронзы в Южной Бактрии могут оказаться далеко не случайными.

Хорезмская экспедиция продолжала исследования погребальных памятников на останцовых возвышенностях Присарыкамышской дельты, но уже несколько на другом уровне. Сейчас их ведет специальный археолого-антропологический отряд²², который помимо раскопок уже в полевых условиях проводит палеоантропологические наблюдения.

Раскопки трех курганных групп Сакар-Чага 1—3 дали разнотипные и разновременные захоронения.

В группе Сакар-Чага 1 (раскопано 41 курган) выделяются погребения в могильных ямах с подбоями и в больших ямах со входами-дромосами. Интересно, что в погребениях с подбоем встречаются захоронения двух-трех индивидуумов, причем неодновременные. Эти же типы погребального сооружения дают наряду с труположением захоронения в оссуариях (сосуд или глиняный ящик). В могильных ямах с дромосом совершались коллективные захоронения. В группе Сакар-Чага 2 (раскопано 4 кургана) встречен тот же тип погребений в яме с подбоем, но там выявились каменные надмогильные выкладки, неизвестные на Сакар-Чага 1. Все описанные типы захоронений датируются IV—II вв. до н. э.

Курганная группа Гяур 4 (раскопано 16 курганов) содержит погребения в глубоких ямах с подбоями, причем в мужских захоронениях обнаружены железные мечи и кинжалы, железные черешковые трехлопастные наконечники стрел, сложные луки с костяными накладками. Этот комплекс датируется II—III вв. и по характеру инвентаря и конструкции могил сближается с ранее раскопанными экспедицией комплексами на возвышенностях Туз-гыр и Тумек-кичиджик²³.

¹⁹ Кой-Крылган-кала. — ТХЭ, т. V. М.: Наука, 1967, с. 11—15.

²⁰ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 201—204, рис. 117.

²¹ Сарцианиди В. И. Памятники монументальной архитектуры Бактрии. — Сов. археология, 1977, № 1, рис. 1, 3, 9. На эти соответствия обратил внимание и К. Иеттмар (см.: *Jettmar K. Fortified Ceremonial Centres of the Indo-Iranians.* — В кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М.: Наука, 1981, с. 220—225; *idem. Die Bedeutung politischer Zentren für die Entstehung der Reiternomaden Zentralasiens.* — In: *Die Nomaden, ihr Geschichte und Gegenwart. Beiträge zur internationalen Symposium. Leipzig, 1981, S. 51—54.*

²² Яблонский Л. Т. Исследование могильника Сакар-Чага 1. — АО 1981 г. М., 1983, с. 482—483.

²³ Кочевники на границах Хорезма. — ТХЭ, т. XI. М.: Наука, 1979, с. 111 сл.; Лохвиц В. А. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-кичиджик. — Там же, с. 134 сл.

Чрезвычайно интересные результаты дали раскопки курганов, осуществленные Л. Т. Яблонским, в группе Сакар-Чага 3 (8 курганов). Здесь обнаружены погребения на древнем горизонте с каменными кольцевыми выкладками, причем в двух случаях наблюдалось трупосожжение.

Среди погребального инвентаря этих захоронений — баночная леплая посуда и привозной гончарный сосуд типа Яз II. Наиболее интересная находка — костяное втульчатое навершие с резным изображением двух кабанов, стоящих мордами друг к другу, выполненным в скифском зверином стиле. По манере исполнения оно представляется достаточно ранним. Аналогю ему дает, например, изображение на оленем камне с Аржана ²⁴. Эта находка в комплексе с сосудом типа Яз II позволяет датировать данные погребения в пределах VII—V, а скорее VII—VI вв. до н. э. Погребения на древнем горизонте (трупосожжения и трупоположения) уже известны в этом регионе (могильники Тумек-кичиджик и Тарым-кая 1) ²⁵, они были широко распространены и у ранних саков Южного Приаралья ²⁶. По-видимому, открытия этого типа погребений на территории Присарыкамышской дельты умножают число подобных примеров, известных как на территории собственно Скифии, так и в «скифском мире», и, вероятно, свидетельствуют о погребениях на древнем горизонте как наиболее ранних. Если это так, то тогда существование их и в V в. до н. э. может рассматриваться как продолжение определенной традиции. Если же рассматривать погребения на древнем горизонте могильника Сакар-Чага 3 с найденным там резным изображением на кости, выполненным в зверином стиле, вместе с находками в оазисе, на городище Кюзели-гыр — золотой головкой архара, обломками каменного жертвенника на ножках и трехдырчатого бронзового псаля, — то мы получим еще одно свидетельство в пользу сакской (в широком смысле) культуры скотоводов окружающей оазис степи.

С другой стороны, обнаруженные при раскопках оссуарные захоронения в ямах (IV—II вв. до н. э.) в сумме с уже известными на этой территории оссуарными захоронениями того же времени в ямах и на древнем горизонте, но под курганными насыпями ²⁷ четко демонстрируют влияние культуры населения оазиса на культуру и идеологические представления населения окружающей степи. На примере данных погребений культура эта предстает перед нами уже в синкретическом виде: подкурганные захоронения, с одной стороны, и оссуарии в виде круговых сосудов кангуйского типа с характерной росписью — с другой.

На территории Присарыкамышской дельты продолжались также исследования сельских поселений. Помимо уже упомянутого поселения Гяур 3 было открыто несколько десятков сельских усадеб IV—II вв. до н. э. у подножья возвышенности Тарым-кая, базировавшихся на водах древних протоков. Усадьбы имели разнообразную планировку, с ними связаны найденные во множестве гончарные печи.

Исследования сельских поселений античного времени велись на протяжении многих лет и в Правобережном Хорезме, на ответвлениях Джанбаскалинского канала, на площади между городищами Джанбаскала и Базар-кала, теперь уже распаханной. Это сельские усадьбы с характерной планировкой и прилегающими к ним земельными участками.

²⁴ Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980, рис. 29, 2.

²⁵ Вайнберг Б. И. Памятники куюсайской культуры. — Кочевники на границах Хорезма, с. 27—42.

²⁶ Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. По материалам Уйгарака. — ТХЭ, т. VIII. М., 1973; Вишневская О. А., Итина М. А. Ранние саки Приаралья. — В кн.: Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1971, с. 197 сл.

²⁷ Юсупов Х. Курганы могильников Тарым-кая II и III. — Кочевники на границах Хорезма, с. 94 сл.

Рис. 7. Топрак-кала. Северный комплекс. Вид с юга

ми²⁸. Близ Базар-калы было раскопано здание на платформе, окруженное стеной с внутренним коридором. Нижний слой этого памятника дал прекрасные находки терракот и фляг с рельефным орнаментом кой-крылганского типа²⁹.

Не один десяток лет Хорезмская экспедиция ведет раскопки на Топрак-кале. Они сделали дворец хорезмских царей II—III вв. всемирно известным³⁰. Велись раскопки и на самом городище³¹. Однако работы последних лет сосредоточены еще на одном объекте, так называемом Северном комплексе³². Это огромный по площади (14 га) ансамбль дворцовых и храмовых зданий (рис. 7), расположенный к северу от Трехбашенного, или, как его еще называют, Высокого дворца, вне системы городских стен. Во время его раскопок (они продолжают) была выявлена интереснейшая система сооружений, по замыслу древнего зодчего, по-видимому, входившая в единый генеральный план комплекса Топрак-калы. Северный комплекс — это 12 зданий, стоявших на разновеликих платформах и связанных между собой переходами. Сохранность их плохая, но на здании VII, например, удалось выявить второй этаж. В западной части комплекса здания VII—XI образуют огромное каре с внутренним пространством, разделенным на два двора. Здание III предположительно было храмовым (сохранилась лишь платформа высотой около 2,5 м). Есть основания думать, что по ее периметру шел

²⁸ Неразик Е. Е. Материалы по землепользованию и землевладению в Хорезме первых веков н. э. — В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979, с. 42—47; *ее же*. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). — ТХЭ, т. IX. М.: Наука, 1976, гл. I; Воробьева М. Г. Работы в окрестностях Базар-калы и к северу от Джанбас-калы. — АО 1978 г. М., 1979, с. 548—549.

²⁹ Воробьева М. Г. Работы Базаркалинского отряда. — АО 1977 г., с. 523; Гертман А. Н. Раскопки на Базар-кале. — АО, 1979 г. М., 1980, с. 447.

³⁰ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 204—226; Панопорт Ю. А. Некоторые итоги изучения дворца на городище Топрак-кала. — В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1981, с. 228—240.

³¹ Городище Топрак-кала. — ТХЭ, т. XII. М.: Наука, 1981; Неразик Е. Е., Рапопорт У. А. Die Festung Toprak-Kala in Choresmien. — Das Altertum. Berlin, 1978, H. 2, Bd. 24.

³² Рапопорт Ю. А., Гертман А. Н. Работы на Топрак-кале. — АО 1976. М., 1977, с. 539; Лоховиц В. А., Рапопорт Ю. А. Работы в Топрак-кале. — АО 1977 г., с. 527—528; *их же*. Раскопки на Топрак-кале. — АО 1978 г., с. 555—556; *их же*. Раскопки на Топрак-кале. — АО 1979 г., с. 451; Лоховиц В. А. Раскопки на Топрак-кале. — АО 1980 г., с. 452—453; Лоховиц В. А., Рапопорт Ю. А. Раскопки на Топрак-кале. — АО 1981 г., с. 459—460.

обводной коридор, а попадали в здание по пандусам, расположенным с четырех сторон по его осям. В разных местах у подножий платформ обнаружены остатки водоотводных систем из керамических труб. Дворцовый характер раскопанных зданий подчеркивают обнаруженные в них большие парадные залы, плоское перекрытие которых покоилось на деревянных колоннах, стоявших на каменных базах. Последние открыты во множестве. Стены помещений были украшены многоцветной росписью геометрического, растительного и сюжетного характера, раскрашенными глиняными барельефами, мужскими и женскими фигурами в натуральную величину (сохранились фрагменты). Найдено также скульптурное изображение животного с рогами. Характерная деталь внутреннего убранства — глиняные лепные решетки. Среди находок, относящихся к архитектурному декору, — алебастровая форма для изготовления горельефного изображения мужской головы, типологически явно связанного с кругом персонажей дионисийского культа. Найдены также алебастровые формы для отливки листьев аканта, рыб. Наряду с парадными зданиями в Северном комплексе есть помещения бытового характера. Так, отдельные участки внутренней планировки зданий, образующих каре с двумя внутренними дворами, представляют собой двухкамерные блоки — секции, вытянутые вдоль сводчатого коридора. В восточной части Северного комплекса были, видимо, хозяйственные помещения. Монументальность построек Северного комплекса, его парадные залы и их убранство — все это не оставляет сомнений в том, что мы имеем дело с дворцовым ансамблем. Такое назначение этих сооружений, вероятно, подчеркивает и малое количество бытовых находок. Керамики очень мало. Среди находок можно назвать хорезмийскую (чекан Артава) и кушанские (Вима Кадфиз и Хувишка) монеты, а также небольшую головку льва, сделанную из листового золота на пастовой основе.

Генеральный план Северного комплекса принципиально иной по сравнению с планом Высокого дворца Топрак-калы. Это не единое здание, как в последнем случае, а комплекс увязанных друг с другом зданий. Но детали их внутренней планировки, украшение помещений стеной росписью и скульптурой, стиль, цветовая гамма и элементы орнамента этих росписей дают много точек соприкосновения с внутренней планировкой и убранством помещений Высокого дворца. Это тем более интересно, что ранее высказанное предположение о том, что ансамбль Топрак-калы был сразу спроектирован древним зодчим во всем своем объеме, сейчас документально подтвердилось. Меридиональная главная ось Высокого дворца, проходящая через зал с айваном («тронный зал»), совпадает с таковой Северного комплекса, проходящей через храмовое здание (здание III). Раскопки Северного комплекса продолжаются, но уже сейчас возникает вопрос о его функциональном назначении, о причинах постройки его вне городских стен и мн. др. По мнению Ю. А. Рапопорта, Высокий дворец не был сооружением светского характера, это был священный комплекс, связанный с культом правящих династий и с различного рода религиозными культами, где они и отправлялись. Северный же комплекс был именно дворцовым, светским комплексом зданий, возможно, что приезжавшая на праздничные церемонии знать останавливалась именно в нем. То, что этот дворец находится вне пределов городских стен, удивляет, но, по-видимому, в укреплении его не было необходимости. Одно из свидетельств этого — отсутствие следов его насильственного разрушения, следов пожара. Что же касается последовательности возведения зданий, то пока на этот вопрос ответить трудно. Можно лишь предположить, что если Высокий дворец и Северный комплекс строились не одновременно, то интервал между постройкой того и другого был невелик.

Площади к востоку от Топрак-калы, в районе уникального комплекса памятников Аяз-кала, сейчас уже освоены или осваиваются. Юго-западнее Аяз-калы некогда был раннесредневековый Яккепарсанский оазис. С тех времен сохранились развалины усадеб и центральный па-

Рис. 8. Безымянный замок. Вид с севера после раскопок

мятник оазиса, видимо, резиденция его властителя — замок Якке-Парсан, который экспедицией раскопан почти полностью³³. Сейчас он стоит среди полей. Некоторые из усадеб вдоль древнего Яккепарсанского канала и его ответвлений удалось раскопать. Среди сооружений выделяется Безымянный замок (рис. 8). Четкость его планировки и относительно ранняя его дата (VI—VII вв.) заслуженно привлекли к нему внимание³⁴. Прямоугольный в плане (45×35 м), он имел мощные (толщиной 2 м) внешние стены, ориентированные по странам света. Вход в замок был в южной стене, его фланкировали две полуовальные башни. Ведущий от входа коридор упирался в северной части замка в большой крытый двор. К западной стене замка примыкали двухкомнатные секции с выходами в коридор, отделенные друг от друга глухими стенами. В восточной половине здания располагались помещения, видимо, парадного характера. Это большой четырехколонный зал в его юго-восточной части (сохранились каменные базы колонн) и прилегающие к нему с севера помещения с суфами.

Безымянный замок — свидетельство удивительной устойчивости традиционной планировки хорезмского жилища, ибо план современного узбекского дома, рассмотренный в ретроспективе, приведет нас к раннесредневековым постройкам Хорезма³⁵ и среди них — к Безымянному замку.

Еще три раскопанных экспедицией усадьбы оазиса отличаются каждая индивидуальной планировкой. Так в центре здания усадьбы А находился бассейн, и весь ее план не типичен для жилых зданий, а на Хайдар-тепе была открыта отопительная система типа канов, самая ранняя из пока известных в Хорезме (до сих пор мы знали лишь каны в слоях XVII в. в Ургенче).

Исследование Яккепарсанского оазиса представляет особый интерес еще и потому, что оно открывает большие возможности для изучения типов раннесредневековой архитектуры. Однако не менее важно и то, кому принадлежали эти постройки, членами какой социальной категории данного общества являлись их владельцы; наконец, каким

³³ Неразик Е. Е. Раскопки Якке-Парсана. — МХЭ, в. 6. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 3—40; *ее же*. Раскопки Якке-Парсана. — АО 1977 г., с. 532.

³⁴ Неразик Е. Е. Раскопки Безымянного замка. — АО 1980 г., с. 456—457; *ее же*. Работы в зоне Яккепарсанского канала. — АО 1981 г., с. 461—462.

³⁵ Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме.

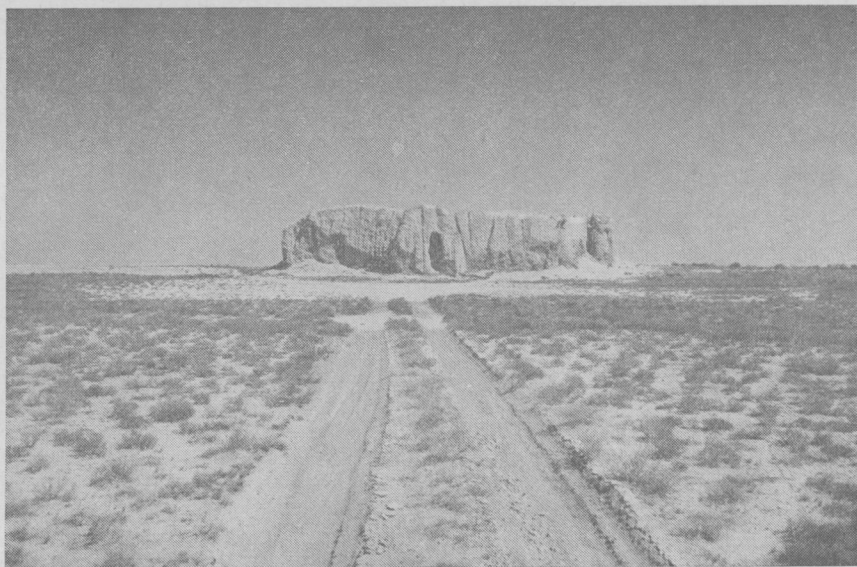

Рис. 9. Городище Кос-асар

было функциональное назначение разнотипных сооружений. Ответы на эти вопросы впереди, работы в древнем оазисе продолжаются.

Очень важный цикл работ ведется экспедицией на Нижней Сырдарье, в Джетыасарском урочище. По проекту переброса части стока вод сибирских рек в Среднюю Азию трасса будущего канала проходит через урочище. Поэтому помимо важности проведения здесь работ в связи с необходимостью исследования этнической истории населения бассейна Сырдарьи в целом — проблем, имеющих не только локальное, но и общеисторическое значение, возникла и насущная необходимость проведения здесь, в низовьях Сырдарьи, предварительных охранных работ, которые к тому же облегчат будущие крупномасштабные раскопки. Укрепленные городища, расположенные на староречьях Пра-Кувандарьи в северо-восточной части древней Сырдарьинской дельты и предварительно датирующиеся огромным отрезком времени — второй половиной I тысячелетия до н. э. — первой половиной I тысячелетия н. э., давно привлекли к себе внимание экспедиции³⁶. Внешний вид этих памятников (рис. 9), окружающие их большие погребальные поля, отсутствие сельских поселений близ них — все выделяло это урочище среди известных нам в низовьях Сырдарьи и Амударьи.

Истоки джетыасарской культуры, ее хронологические рамки, контакты ее носителей с населением Средней Сырдарьи на разных этапах истории, с населением более западных областей Сырдарьинской дельты, этническая характеристика джетыасарцев, их хозяйство, культура — все эти проблемы стояли перед экспедицией при возобновлении исследований асарских городищ, все они стоят перед ней и сейчас, хотя несомненные успехи в попытке разрешения некоторых из них нельзя не признать. Раскопки на двух памятниках — Джеты-асар 2 (Бидаик-асар) и Джеты-асар 12 (Томпак-асар)³⁷, — а также обследование остальных городищ оазиса позволили установить, что первоначальная архитектурная основа каждого городища — овальное в плане укрепление с мощными стенами с бойницами, не менее чем двухэтажное, помещения ко-

³⁶ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.: Изд-во АН СССР, 1948, с. 125—140.

³⁷ Левина Л. М. Исследования в Джетыасарском урочище. — АО 1976, с. 517—518; *ее же*. Исследования в Джетыасарском урочище. — АО 1978 г., с. 537—538; *ее же*. Раскопки городищ Джетыасарского урочища. — АО 1979 г., с. 434—435; *ее же*. Исследования в Джетыасарском урочище. — АО 1980 г., с. 438—439; *ее же*. Исследования в Джетыасарском урочище. — АО 1981 г., с. 441—442.

торого имели сводчатое и плоское перекрытия. С трех сторон оно было окружено более низкой террасой — остатками застройки, которая в свою очередь была окружена стеной с башнями, но менее мощной. Вход в укрепление был и из внешней застройки, и с его западной стороны, где этой застройки не было. Судя по тому, что внешняя застройка, как правило, представляет собой сплошные слои пожара, можно предположить, что во время вооруженных конфликтов жители укрывались под защитой мощных стен укрепления, а внешняя застройка врагом уничтожалась. Примечательно, что такой первоначальный план имеют, по-видимому, все, исключая заведомо поздние, выходящие за рамки джетыасарской культуры, памятники урочища независимо от их размеров. А среди них есть и более крупные (очевидно, небольшие городки), и менее крупные, которые по массивности стен и укрепленности воспринимаются как маленькие крепости. Большинство городищ осложнено позднейшими пристройками, в частности в виде башен и приставленных с внешней стороны стен. Последние образуют с основными стенами коридоры, двухэтажные, со сводчатыми перекрытиями, причем таких обводных коридоров в конечном итоге может быть несколько. Интенсивно перестраивалась и первоначальная застройка укрепления, причем, если в нижних горизонтах обнаружены своды, выше идут плоские перекрытия. Разбираться в этом «слоеном пироге» очень трудно, так как помещения одного горизонта, как правило, находятся в разных уровнях и соединяются лесенками-переходами. Жизнь каждого такого замка, судя по керамике, могла продолжаться несколько сотен лет. Сейчас можно говорить, что на данном уровне наших знаний нижняя дата джетыасарской культуры не выходит за пределы второй половины I тысячелетия до н. э. Однако пока мы не имеем больших площадей по нижнему горизонту Томпак-асара, на котором ведутся раскопки. Кроме того, не исключено, что стратиграфическая колонка другого памятника этой культуры даст для нижнего слоя более раннюю дату. В то же время раскопки на погребальных полях (склепы, подкурганные захоронения с подбоями, грунтовые ямы, окруженные подковообразной канавкой) дают поздние даты — первые века нашей эры, т. е. увязываются с поздними периодами жизни городищ.

Удалось установить, что контакты с населением Средней Сырдарьи времени каунчинской культуры не исчерпывались только культурными связями. По-видимому, в начале I тысячелетия происходил процесс инфильтрации групп населения со Средней Сырдарьи на Нижнюю и наоборот³⁸. Как ни странно, но менее очевидные контакты прослеживаются с населением более западных областей Сырдарьинской дельты, носителями чирикратской культуры (вторая половина I тысячелетия до н. э.), которые территориально находились значительно ближе. Может возникнуть мысль, что причина здесь в расхождении датировок, хотя пока это не выявляется и до уточнения хронологии джетыасарской культуры этот вопрос остается открытым. Однако следует иметь в виду, что эти два региона, несмотря на то, что их разделяет расстояние порядка 100 км и находятся они на территории одной дельтовой области, отличаются друг от друга принципиально иной системой расселения. Население чирикратской культуры жило в укрепленных городках, окруженных множеством неукрепленных сельских поселений, жители которых занимались скотоводством и ирригационным земледелием. Джетыасарцы селились на небольших дельтовых руслах, строили укрепления типа позднейших замков, наряду с которыми существовали и крупные городища типа городских поселений, основным их занятием было скотоводство. По-видимому, именно разница в системах хозяйст-

³⁸ Левина Л. М. Среднеазиатские связи джетыасарской культуры в первой половине I тысячелетия н. э. — В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма, с. 170—177; Андрианов Б. В., Левина Л. М. Некоторые вопросы исторической этнографии Восточного Приаралья в I тысячелетии н. э. — В кн.: Этнография и археология Средней Азии, с. 94 сл.

Рис. 10. Район крепости Джанбас-кала. Новое освоение земель древнего орошения

ва прежде всего влияла на различия в системах расселения. Нельзя сбрасывать со счетов и вероятные этнические различия между населением обоих регионов. Кроме того, укрепленность всех без исключения асарских городищ и отсутствие вокруг них сельских поселений связаны, конечно, и с окраинным положением оазиса, близостью его к Сырдарье, по которой осуществлялись как дружественные, так и недружественные контакты, близостью к степным просторам на правом берегу Сырдарьи, откуда жителям оазиса также могла грозить опасность.

Как мы уже говорили вначале, основой деятельности Хорезмской экспедиции являются сейчас охранные работы (рис. 10). Помимо ее научного аспекта, который мы осветили выше, она имеет и сугубо практическое значение. Так, нами были приняты некоторые конкретные меры по охране памятников на территории Каракалпакии и Туркмении. Удалось сохранить для исследований среди массива распаханых земель площади уникальной неолитической стоянки Толстова; исключить из фонда осваиваемых площадей территорию Северного дворцового комплекса Топрак-кала и, таким образом, увеличить охранную зону вокруг памятника в целом; наладить сотрудничество с Институтом реставрации и консервации памятников Министерства культуры УзССР в деле консервации и частичной реставрации Высокого дворца Топрак-кала; добиться изменения направления автомобильной трассы и сохранить комплекс Гяур 3 в Туркмении. Все это мы смогли сделать благодаря активному содействию местных партийных и советских органов. Но это лишь малая толика того, что еще надо сделать. На очереди задача охраны уникального комплекса античных и раннесредневековых памятников Аяз-калы. Не менее важной задачей, — и это относится ко всем среднеазиатским регионам, где сохранились исторические памятники на ныне освоенных территориях, — является борьба за то, чтобы дело не ограничивалось установлением охранной зоны вокруг памятников, а к ним была бы еще подведена эффективная система дренажа, ибо освоение земель влечет за собой поднятие уровня грунтовых вод, что губительно сказывается на сохранности сырцовых сооружений.

Научно-исследовательская деятельность и практические меры по сохранению единственного в своем роде заповедника исторических памятников — древнего Хорезмского оазиса — вот тот путь, по которому и впредь будет следовать Хорезмская экспедиция.